

Бестелесная команда (Саша Чёрный)

Шел солдатик на станцию, с побывки на позицию возвращался. У опушки поселок вилами раздвоился: ни столба, ни надписи, - мужичкам это без надобности. Куда, однако, направление держать? Вправо, аль влево? Видит, под сосной избушка притулилась, сруб обомшелый, соломенный козырек набекрень, в оконце, словно бельмо, дерюга торчит. Ступил солдат на крыльцо, кольцом брякнул: ни человек не откликнулся, ни собака не взлаяла.

Наддал он плечом, взошел в горницу. Видит, на лавке старая старушка распространилась, коленки вздела, на полати смотрит, тяжело дышит. Из себя словно мурин, совсем почернела. В переднем углу заместо иконы сухая тыква висит, куриные лапки в одну шеренгу прибиты.

- Здравствуй, бабушка... Куда на станцию поворот держать, - вправо, аль влево?

- Ох, сынок... На обгорелый дуб целиной-лугом ступай. Пешему не заказано... Да не подашь ли мне, старой, водицы испить? Совсем, сынок, помираю!

Зачерпнул солдат ковшиком, сам все на передний угол посматривает.

- Что ж у тебя, бабушка, иконы-то не видать? Из татарок ты, что ли?

- Тьфу, тьфу, служивый!.. Русская я, орловской породы, мценского завода. Да знахарством все промышляла по слабости здоровья. Рукоделие такое: бес ухмыляется, ангел рукой закрывается. Стало быть, образ мне в избе держать несподручно. Всухомятку молюсь, - на порог выйду, звездам поклонюсь, "Славу в вышних" пошепчу... Авось Господь-Бог услышит.

- А по какой части, бабушка, ты орудуешь больше? По штатской, аль по военной?

- По штатской, яхонт, по штатской. Отстуду, скажем, между мужем-женой прекратить, альбо от зубной скорби заговорить... Деток кому подсудобить, ежели потребуется. Худого не делала. А по военной, что ж... В стародавние годы заговоры по ратному делу действовали, пули свинцовые отводили. А ныне, сынок, сказывают, кулеметы какие-то пошли. Так веером стальным и поливают. Управься-ка с машиной этакой!..

Вздохнул солдатик.

- Ну, бабушка, ничего. На себе поснесем, да вас побережем. Кланяйся родителям, в случае чего... В запрошлом году они скончавшись. Будь здорова, бабушка, помирай себе с Богом...

Только встал, обернулся, - слышит, у ног тварь какая-то мяучит, о сапог мягкая шуба трется, а ничего не видит... Протер он обшлагом буркалы, - что за бес... Плошка пустая у порога подпрыгнула, метла прочь сама откатилась, голос шершавый все пуще мяучит-надрывается.

- Ох, - говорит, - бабка! Что ж это за наваждение? Душа кошачья у тебя по избе без лап, без хвоста бродит...

- А это, соколик, кот мой, Мишка. Плесни-ка ему молочка в плошку. Я сегодня по слабосильности и с лавки не вставала. Голоден он, чай.

- Да где кот-то, бабушка?

- Плесни, плесни. Экой ты, солдат, надоеда... Налил солдат из крынки полную плошку. Глядит: молоко стрепенулось, кверху подпрыгивает, будто ложечкой кто сливки взбивает. Брызги во все стороны... Дрожит плошка, молоко убывает да убывает, глядь-поглядь - само в себя ушло, края подлизаны, даже до сухости...

Обалдел солдат, на бабушку уставился. Усмехается старушка.

- На войне был, а пустякам удивляешься. Настой-зелье я по своей секретной надобности сварила, остудить под лавку поставила. А он, дурак Мишка, сдуру лизнул, вот и бестелесным стал. Да пусть так бродит, мне все одно помирать. Авось в бестелесном виде промышлять ему способнее будет.

Загорелась солдатская душа до чужого ковша, - по какой причине и сам не знает...

- Ох, родненькая... Дай-ка мне состава энтого, умора ведь какая... Солдатикам на позиции тошно, тоска смертная. А тут этакая забава... Уж я за тебя в варшавском соборе рублевую свечу поставлю: окопный солдат вроде как святой, - тебе это без пользы будет.

Закашлялась старушка, зашла, поплевала в тряпочку, отдышалась и говорит:

- Экий ты младенец стоеросовый... Ну что ж, бери! Свои бросили, чужой пожалел, водой попоил... Только смотри, шути да откусывай... Ежели какую тварь либо человека в бестелесный вид приведешь, помни, орел: только

водкой зелье мое и прополаскивается. Рюмку-другую вольешь, сразу предмет в тело свое войдет, натуральность свою обнаружит...

Солдат одной рукой за чашку, другой за баклажку. Перелил, бабушке в пояс поклонился, и за дверь - целиной-лугом на обгорелый дуб, к своей станции. Зелье на боку в баклажке булькает, - аж селезенка у солдата с радости заиграла, до того забавная вещь.

С этапа на этап - докатился солдат до своего места, в аккурат час в час в свою роту появился. О ту пору полк ихний в ближний тыл на отдых-пополнение оттянули. Старослужащим вольготнее стало, - винтовку почистил, шинель залатал и вались на свою койку, потолочные балки в бараке пересчитывай.

А свежих бородачей во дворе обламывают. Занятие идет, соломенное чучело колоть учат: штык по шейку всади, да назад одним духом с умом выверни. Ходит ротный, присматривает, не очень и ему весело запасных вахлаков обтесывать. Зевнул в белую перчатку, фельдфебеля спрашивает:

- А что ж, Назарыч, Шарика нашего не видать?

- Не могу знать! Второй день в безвестной отлучке. Тоже тварь живая, амурь, надо быть, тыловые завелись.

Повернулся ротный на подковах, Назарычу занятия предоставил, в канцелярию ротную пошел приказы полковые перелистывать. Слышит, за перегородкой в углу кто-то посвистывает. Шарика кличет, - в ответ собачка урчит, веселым голосом огрызается. Поглядел он в щелку: сидит это солдатик Каблуков, что намерен с отпуска вернулся, на сундучке. Одна нога в сапоге, другая в портянке. Свистит, пальцами прищелкивает, а перед ним, - Господи, спаси-помилуй! - пустой сапог в воздухе носится, кверху носком взметывается.

Дрогнул ротный, а уж на что храбрый был, самому дьяволу не спустит. За столик рукой придержался. Дошел до порога, за косяк ухватился...

Стрепенулся Каблуков, вскочил, вытянулся, а сапог округ него так в присядку и задувает, уши по голенищам треплются, а из голенища, будто из граммофонной дыры: "Ряв-ряв!" Да вдруг сапог прямо на ротного, будто к родному брату, - по коленке его хлопает, в руку подметкой тычется. Побелел ротный - на елку бы влез, да елки нетути...

- Ох, - говорит, - Каблуков, плохо мое дело... Прошлогодня контузия, вот она когда себя оказывает. Беги за Назарычем, пусть меня скорей в лазарет свезет... А то, пожалуй, оборони Бог, кусаться начну.

Оробел Каблуков, к земле прирос. Однако кое-как губы расклеил:

- Не извольте, ваше высокородие, тревожиться. Сапог натуральный, интендантской кожи. А что он сам летает, будьте без сумленья, собачку я бестелесную учил поноску носить. Да тут вы сбоку взошли, не приметил я, напужал только ваше высокородие занапрасно.

Выпучил ротный глаза.

Что ты... окстись!.. Какая-такая бестелесная собачка?

- Да наш Шарик! Я его, ваше высокородие, наскрозь прозрачной настойкой для забавы обработал. Скажем, как стекло: виду нет, а в руку взять можно.

Ротный так на сундучок и опустился:

- Ну, Каблуков, придется, видно, нас двоих в тихое отделение на лазаретной линейке везти. Я телесные сапоги в воздухе ловить буду, а ты бестелесной собачкой забавляться. Видишь, что война из людей делает.

Однако, Каблуков, хочь и подчиненный, поперек тут врезался, видит, чем дело тут плохим пахнет. Обсказал все, как есть, про помирающую старушку да про кошкино молоко.

- Я ж, ваше высокородие, против присяги не пошел. Мог в лучшем виде сам себя смыть, стеклянным студнем по всей России перекачываться... Поймай-ка у сокола на плече, у бабы под мышкой... Ан к окопной страде вернулся. Вы, ваше высокородие, извольте сундучок ослобонить, я вам чичас все наружу произведу, - от своего начальника какие секреты!..

Звякнул сундучок веселой пружиной. Каблуков одной рукой шкалик вытащил, другой невидимую собачку к себе притянул, бестелесную пасть ей раскрыл.

- Ишь ты, ртуть курчавая!.. Ротный армейский цупик, а насчет водки отворачивается. За пальцы меня хватать? Своего отделенного начальника? Готово, ваше высокородие, извольте получить.

И, действительно... Бабушке твоей Хны-Хны, преподобной Печерице! Сапог сам собой на зeмь швякнулся, а промеж пальцев у Каблукова мясная собачка-Шарик вьется, пасть раззявила, нос морщит, лапой по языку машет, винный дух соскребывает.

Ротный по сторонам глянул, воздуху глотнул, Каблукову в самое ухо выпалил:

- Никому не показывал?

- Никак нет! Я, ваше высокородие, всей роте сюрприз готовил. В балагане на ярманке и за двугривенный такого сюжета не покажут. Пусть, думаю, узнают, кто есть таков Егор Каблуков...

- Эх ты, - говорит ротный, - телятина с косточкой... Смотри ж, чтобымышь не прознала, чтоб муха не догадалась... Чтоб ветер не подсмотрел. Ох, Каблуков, чего это мы теперь с тобой разделаем... Наград в штабе не хватит!

И пошел к дверям, будто в мазурке поплыл, - один глаз лукавый, другой задумчивый...

Часы заведи, а ходить сами будут. К закату из полкового штаба вестовой в барак вкатывается: экстренно, мол, Каблукову явиться, да чтоб с ротной собачкой пожаловал. Фельдфебель удивляется, землячки рты порасстегнули, однако Каблуков ни гу-гу... Ноги шагают, а рука в затылке скребет: беспокойства-то сколько от старушки этой помирающей произошло.

Переступил он через штаб-крылечко, писаря за столами переглядываются, полковой адъютант, насупившись, ус тербит, - почему, мол, такая секретность? Через него же первого всякие тайности происходили, а тут наось, - серый солдат со сверхштатной собачкой, и хочь бы слово... Обидно.

Провели Каблукова в дальний закуток. Сам командир полка коридорную дверь на два поворота замкнул, вторую прикрыл. - Ох, милый друг, Егор Спиридонович, что-то будет?.. И ротный тут же: один глаз лукавый, другой и того лукавее.

Дернул командир плечом, щеки пламенем отливают. Дать бы ему, Каблукову, промеж глаз, а ротного налево-кругом на гауптвахту, суток на десять, пока не очухается... Ан сначала-то проверить надо.

- Ну что ж, показывай, голубь. А уж потом и я тебе по-ка-жу...

И зубом золотым скрипнул.

Подтянулся Каблуков. Он что ж, худого не замышлял. Схватил Шарика поперек живота, баклажку вынул, да в пасть ему пропорцию и влил: сгинул Шарик, как дым разошелся.

Повеселел тут солдат совсем, а командира полка аж в малиновый румянец вдарило.

- Разрешите, ваше высокородие, фуражечку вашу?

Насмелился Каблуков, снял со стола да бестелесной собачке в зубы. И пошла, братцы, мои, командирова фуражка козлом по всей горнице скакать, будто нечистая сила в нее из-под половиц поддувает...

Перекрестился командир мелкой щепотью.

- Тьфу, тьфу!.. Простая деревенская баба, кочерга ей под пятое ребро, а какую военную химию надумала!..

Глаз у него, конечно, по иному заиграл: та же опара, да другой кисель. Потрепал Каблукова по защитному погону, ротного к грудям прижал.

- С Богом! Валите в мою голову! Только, чтоб и воробей на телеграфной проволоке до поры-времени не услышал... Убью!

Обратил Каблуков Шарика в первобытное состояние, шкалик-то с собой прихватил, и за ротным на вольный воздух выкатился.

А ротный так и кипит. Чичас через федьдфебеля десять отчаянных самохрабрейших охотников вызвал. В баню их собрал, потому к бане рощица примыкала, - очень это по диспозиции способно было. Выстроились молодцы, один к одному - хоть в Семеновский полк в первую роту - и то не подгадят. Разведчики рьяные, - блоха за немецкой пазухой повернется, и то уследят.

Про помирающую старушку ротный им, само-собой, обсказывать не стал. Зачем православных землячков в сумление вгонять, - по нечистой линии сам Скобелев сдрейфит...

- Вот, - говорит, - львы, слышали, небось, - аеропланты теперь наши в краску-невидимку красить начали. Достигаем до точки. Разговор был, что и наушники такие к моторам приспособлять начали. Глушители то-исть! Фыркнет он в небо, ни цвета, ни зуда, ни стрепета. Врагу каюк, нам чистая польза... Ан теперь в главном штабе у нас новую вещь удумали... Состав такой безвредный один доктор химический сообразил. Хлебнешь рюмку, сразу тебя в бестелесность ударит, - ни ногтей, ни пупка, будто столб воздуха на невидимых подметках. Поняли, львы?

- Так точно, поняли. А как же опосля, ваше высокородие, когда замирение произойдет? У нас у всех жены-детки. Неудобно по домашности...

Усмехнулся ротный.

- Ничего, не робей. Вернемся с разведки, всем по чарке поднесу. Водка вмиг состав этот створаживает, опять все в теплое тело войдем. Ужель стану я солдат своих самолучших портить? Да я ж с вами... Из приварочной экономии

командир всем по десяти целковых обещал, кроме награды, - да и я от себя прибавлю... Подошвы войлоком все подшили?

- Так точно, подшили.

Повеселели львы. Да и Каблукова взмыло: ишь ты, с какой малости такое дело развернулось... А насчет доктора, может, ротный и правду сбrehнул: доктор этот в мирное время, может, в орловском земстве служил, - старушка от него и позаимствовала.

- Ну, Каблуков, - говорит ротный, - действуй... Только как же насчет обмундирования? Немцы ж по пустым штанам-гимнастеркам палить будут. Это нам, друг, не модель.

- Не извольте тревожиться! Обмундирование я, ваше высокородие, спрысну! Уж насчет этого сам призадумывался, - однако действует... На Шарике ж ошейника и видом не видать было. Винтовок, между прочим, брать не придется. Сталь-дерево нипочем не поддается. Старушка-то не доглядела...

Сверкнул ротный глазом.

- На кой ляд нам винтовки! Не в них в этом деле сила... Только, ребята, друг дружку на аршин дистанции бечевками связать надо, а то разбредемся, как туман в поле. Говорить-то только тихим шопотом придется. Господи, благослови! Действуй, Каблуков.

Выстроились десять охотников в ряд. Каждому Каблуков по деревянной ложке налил, ротному последнему. Спрыснул всех, сам остатки хлебнул... Пронзительный состав!..

Скрипнула дверь. В рощице за баней кусты зашуршали, будто ветер зеленую дорожку надвое распахнул. А ветра, между прочим, и с детское дыхание не было: на лугу покой-тишина, пушинку оброни, сама наземь падет и не дрогнет. Огни кое-где по окраинным халупам зажглись, туман вечерний у моста всколыхнулся, - воздух сам с собой разговаривает:

- Эх, покурить бы теперь, ваше высокородие...

- Я тебе покурю. Попролам перерву, да еще надвое...

- Кто там с правого фланга споткнулся?

- Ничего... Держалась кобыла за оглоблю, да упала. Вали, землячки, дальше...

Отмахали верст с десять. Притомились солдатики, потому хочь видимости в них не было, однако, пятки горят, как у настоящих. По дороге, как через

местечко шли, баба полька, - из себя мед на рессорах, - руками всплеснула, к фонарю отскочила, глаза выкатила... "Иезус-Мария! Плечо горит, будто медведь облапил, - а на улице никого!.." Затряслась, подол собрала и - ходу.

Зыкнул ротный, по голосу сразу признать можно:

- Какой там кобель на правом фланге озорует? Смотри, Востяков, как в тело войду, морду тебе за это самое набью окончательно. Зачем бабу обижаешь?

- Подвернулась она, ваше высокородие. Виноват! Эх, горе, на веревочке идем, а то занятно уж очень, как в этом самом виде ежели бы подкатиться к ней по настоящему...

- Я тебе подкачусь... Обменяйся с ним, Козелков, местом. Разыгрался он что-то, как бугай в клевере.

У крайних домов на взгорье спохватился ротный:

- А ну-ка-сь, Каблуков! Веревочку я тебе приспущу. Смотайся-как в лавочку, колбасы возьми конец, а то, окромя хлеба, провианту с собой не прихватили.

- Да как, ваше высокородие, брать-то? Колбаса по воздуху поплывет, купец с перепугу крик поднимет, лавку замкнет. Попаду я тогда, как козел в прорубь.

Двинул его ротный невидимым локтем в невидимую косточку.

- Порассуждай у меня! Ты, хлюст, думаешь, что ежели скрозь тебя фонарь видать, так ты и разговаривать можешь? Каблуки вместе! В походе кур-гусей слизываешь, ни одна бабка не встрепенется, - а тут учить тебя. Рупь смотри в кассу вбрось, не азиаты мы колбасу даром брать...

Слетал Каблуков тихо-благородно. Рупь за колбасу, конечно, многовато... Полтинник подкинул, семь гривен сдачи себе отсчитал.

Пошли дальше. Собачки к следам принохиваются, воют. Растолкуй-ка им, в чем тут секрет... Камнями кое-как отогнали, - неудобно ж команде по такому делу со свитой идти.

К самым, почитай, позициям нашим подошли. Темень кругом, не приведи Бог. Прожектор кой-где немецкий из-за речки светлым хоботом рыщет. Сползет, и совсем ослепнешь... Хоть ты телесный, хоть бестелесный, а ежели сам не видишь, - куда пойдешь?

Свернул ротный командир в бор.

- Ложись, братцы! Пожужим малость, да и спать. Завтра чуть свет перейдем линию. Лопатки-то с собой прихватили?

- Так точно, - как приказано. Под гимнастерки подоткнули.

- То-то! Первым делом под их пороховой погреб подкоп подведем. Верстах в двух он от ихнего расположения, это нам доподлинно известно. Бог поможет, и начальника их дивизии в лучшем виде скрадем - и не фукнет. Наделаем, львы, делов! Только смотри у меня, - ни чихать, ни кашлять... К бабам ихним ни-ни! Знаю я вас, бестелесных... Ежели у кого ненароком бечевка лопнет, помни: сигнал-пароль "Ах вы сени мои, сени"... По свисту своих и найдешь... Из подвигов подвиг, Господи благослови!

К сосне притулился, шинельку подтянул - и готов.

На войне заснуть - люльки не надо, проснуться и того легче...

.....

Только это серая мгла по низу по стволам пробилась, вскочил ротный, будто и не спал. Глянул округ себя, да так по невидимой фуражке себя и хлопнул. Вся его команда не то, чтобы львы, будто коты мокрые стоят в одну шеренгу во всей своей натуральности... Даже смотреть тошно. Веревочка между ими обвисла, сами в землю потупились, а Каблуков всех кислее, чисто как конокрад подшибленный.

Дернул бестелесный ротный за веревочку - хрясь!.. - от команды отделился, да как загремит... Хоть и не видать, да слышно: лапа перед ним так и всколыхнулась. С пять минут поливал, все пехотно-армейские слова, которые подходящие, из себя выдул. А как немного полегчало, хриплым голосом спрашивает:

- Да как же это, Каблуков, случилось?! Стало быть состав твой только от зари до зари действует. Стало быть, старушка твоя...

И пошел опять старушку благословлять. Не удержишься, случай уж больно сурьезный.

Вскинул Каблуков глаза, кается-умоляет:

- Ваше высокородие! Без вины виноват! Хоть душу из меня на колючую проволоку намотайте, сам больше того казнюсь. Вчерась, как колбасу покупал, штоф коньяку заодно спроворил. Старушка-то помирающая, оглобля ей в рот, явственно ж сказала: только водкой политура эта бестелесная и

сводится. А про коньяк ни слова. Выпили мы ночью без сумления по баночке. Ан, вот, грех какой вышел...

Что ротному делать? Не зверь ведь, человек понимающий. Ткнул легонько Каблукова в переносье.

- Эх ты, вареник с мочалкой... Что ж я теперь полковому командиру доложу? Зарезал ты меня!..

- Не извольте, ваше высокородие, огорчаться. Немцы, допустим, газовую атаку произвели, - состав наш и разошелся. Так и доложите...

Голос за сосной ничего, добрее стал:

- Ишь ты, дипломат голландский! Ладно уж! Только смотри, ребята, никому ни полслова. Ну что ж, давай и мне коньяку, надо и мне слюду бестелесную с себя смыть.

Смутился Каблуков, подает штоф, а там на дне капля за каплей гоняется. Опрокинул ротный, пососал, ан порции не хватило. Заголубел весь, будто лед талый, а в тело настоящее не вошел.

- Ах, ироды!.. Слетай, Каблуков, на перевязочный, спирту мне добудь хочь с чашечку. А то в этом виде как же ворочаться-то: начальник не начальник, студень не студень...

Благословил этак в полсердца Каблукова, в вереске под сосной схоронился и стал дожидаться.